

О.В. Никитин

Московский государственный областной университет

**«ЖИЗНЕОПИСАНИЕ ПЕШКОВСКОГО В ЮНОСТИ.
ТЕМА ОЧЕНЬ БЛАГОДАРНАЯ...»
(ОПЫТ ВОССОЗДАНИЯ ПОРТРЕТА ИЗВЕСТНОГО УЧЕНОГО)**

В статье на основе новых данных и архивных материалов раскрывается биография первых десятилетий жизни и деятельности известного российского лингвиста и методиста А.М. Пешковского (1878–1933), когда начинающий ученый занимался поисками своего духовного пути и профессионального предназначения, проходил через личные испытания в противоречивых обстоятельствах жизни страны конца 1890-х гг. По воспоминаниям и записям его гимназического друга М.А. Волошина описываются детские годы А.М. Пешковского, мы воссоздаем атмосферу, царившую в то время, его увлечения, особенности характера и психологии формирующейся личности, в которой уже в молодые годы было много неординарного. Раскрываются также обстоятельства, связанные с отчислением А.М. Пешковского из Императорского Московского университета, и его дальнейшая судьба. В данной статье биография А.М. Пешковского доводится до момента его возвращения из-за границы, куда он вынужден был уехать после участия в забастовке студентов в Москве. Эта часть его жизнеописания оставалась до последнего времени неизвестной читательской аудитории и была восстановлена по фактам, письмам, мемуарам и редким документальным свидетельствам современников А.М. Пешковского.

История науки, языковая личность, биография, психологизм, культура и образование в дореволюционной России.

Об Александре Матвеевиче Пешковском – незаурядном филологе и педагоге – написано немало работ (см., напр., [1; 4; 5; 6]), а его методические эксперименты, осуществленные на заре «лингвистического века», уже давно стали частью нашей истории – филологической т р а д и ц и е й. В жизни и трудах ученого есть немало общего: он одинаково долго, не без личных переживаний и раздумий, шел к своей цели в науке и весь жизненный опыт пытался реализовать в педагогическом творчестве; он был верен традициям Московской школы, и человеческая практика подсказывала ему, как следует жить в науке, каких критериев придерживаться, чему и кому служить. С ранних лет А.М. Пешковский находился под перекрестным огнем то обстоятельств, которые заставили его в юношеские годы немало скитаться по Европе, то – позднее – критики. Он не принадлежал только XIX веку, когда происходило становление его личности, и к XX столетию с его бесконечными шатаниями, поисками и идеологическими штампами – он нашел свой подход, выделился из вереницы канувших в лету педагогов и методистов.

Как происходило становление удивительной и неповторимой личности А.М. Пешковского? В каких баталиях закалялся его характер? Каков был человеческий облик будущего ученого в самые ранние годы? Эти и некоторые другие вопросы ставит автор в данной статье, открывающей во многом новые факты биографии А.М. Пешковского.

* * *

Сквозь сеть алмазную зазеленел восток.
Вдаль по земле таинственной и строгой
Лучатся тысячи тропинок и дорог.
О, если б нам пройти чрез мир одной дорогой!
М. Волошин (1914 г.)

Александр Матвеевич Пешковский родился в Томске 23 августа 1878 г. и принадлежал к тому редкому поколению русских ученых, чье филологическое мировоззрение сформировалось на рубеже XIX–XX вв. – времени всплеска новых научных идей, обра-

зования литературных и лингвистических обществ и в целом смены приоритетов в культурной жизни страны. Все это не могло не отразиться на его творческом ремесле, к которому он шел дорогой нелегких скитаний и поиска своей системы жизненных ценностей.

Детские и юношеские годы А.М. Пешковского прошли в Томске, а затем в Ялте, где он учился в прогимназии, и позже в Феодосии, – в мужской гимназии. В Ялте была дача матери Анны Николаевны Пешковской (близ устья реки Учан-Су). Но именно в Феодосии произошли первые важные события в его жизни:

знакомство с будущим поэтом, художником и философом Максимилианом Волошиным в 1893 г., поиски собственного пути, романтические чувства...

Об этом времени мы знаем совсем немного и только благодаря сохранившимся записям М.А. Волошина, где он подробно рассказывал о своем окружении и происходивших событиях. В дневнике 13 марта 1932 г. он так вспоминал о знакомстве с А.М. Пешковским:

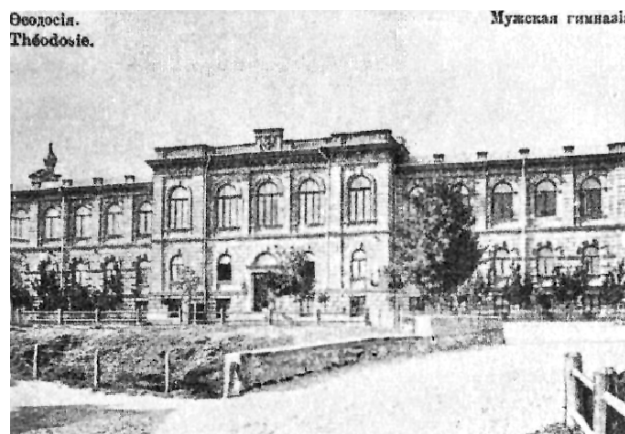
«В тот же первый год моей Феодосийской гимназии я инстинктивно понял, что среди товарищей-одноклассников мне необходимо себе выбрать приятеля и сожителя по своему вкусу. Выбор мой, естественно, остановился на Пешковском. Это был еврей маленького роста, с огромным лбом Боклевского склада, очень серьезный, очень рассеянный, очень преисполненный чувством долга. Он в то время очень мучился тем, что он не еврей, а христианин: когда он был ребенком, его с братом отец (первоначально бывший ортодоксальным евреем, но потом сошедший с ума и от еврейства отступивший) неожиданно, не спрашивая его мнения или согласия, перевел в христианство (сделал лютеранином). И вот эта-то пугливость и настороженность совести мне в нем очень понравилась. Он тоже жил на неудачной квартире, куда его определила мать, привозившая его из Ялты: он год тому назад кончил Ялтинскую прогимназию и теперь перешел в Феодосийскую гимназию. Семья Пешковских предварительно жила в Томске, и Саша учился в тамошней гимназии. Потом его отец купил дачу в Ялте, переехал туда [со] всей семьей, скоро сошел с ума и умер, а сыновья – Александр и Артур, его старший брат, – учились в Ялтинской <про>гимназии. В одно из ближайших лет я ездил в Ялту и гостил у Пешковского. От него я узнал о бесправном положении евреев в России. Впервые среди моих товарищей-гимназистов я узнал [в] Феодосии много евреев и, так как они все были значительно образованнее, чем другие гимназисты из “восточных людей” – караимы, армяне, греки – довольно тупые, то они мне показались и симпатичными, и интересными. Неприязни же и юдофобства я совсем не знал по семейным взглядам и традициям. Моя мать и по типу, и по складу характера принадлежала к поколению русских женщин 70-х годов и до старости сохраняла этот тип, трагический, красивый [...]» [2, с. 365].

В письме Е.С. Ляминой 3 мая 1895 г. из Феодосии М.А. Волошин сообщал: «Я с ним единственно только и сошелся очень быстро тут в Феодосии из гимназистов. Он еврей, страшный оригинал, феноменально рассеян, очень умен, очень симпатичен, а главное [–] обладает замечательно мягким и добрым характером» [3, с. 15].

Как зародился интерес Александра Пешковского к русскому языку? Безусловно, первым, на кого он обратил внимание, еще и не подозревая тогда, что станет филологом, был учитель русского языка феодосийской гимназии Юрий Андреевич Галабутский. О нем очень тепло вспоминал впоследствии М.А. Волошин, учившийся вместе с А.М. Пешковским в одном классе: «Это единственный человек, единственная светлая точка между всеми педагогами русского классического болота, которую я встретил за все свое

долголетнее странствование по русским гимназиям. Я думаю, не один из его учеников обязан ему своим “спасением” от классической гимназии. Это единственный умный и толковый педагог, которого я знал и который умел возбудить интерес к русскому языку и к русской литературе в таких идеальных оболтусках, какими сверкала в мое время Феодосийская гимназия» [3, с. 696].

Эти «оболтусы» в Феодосии были заметным явлением и скоро стали известны многим в городе благодаря их театральным талантам: М.А. Волошин и А.М. Пешковский играли в гимназическом спектакле «Ревизор», получившем большой успех. А.М. Пешковский исполнял роль Бобчинского! (Из письма матери Е.О. Кириенко-Волошиной 4 февраля 1896 г. Феодосия) [3, с. 22].

*Мужская гимназия г. Феодосии,
где учился А.М. Пешковский*

Кроме того, они думали издавать «художественно-литературный и научно-популярный журнал» под названием «Слово». М.А. Волошин так сформулировал задачу этого, к сожалению, не состоявшегося издания: «дать умственный толчок всей гимназии». «Помимо стихов, Макс планирует поместить там статью под названием “Злое начало в человеке”, Пешковского интересуется другая тема: “Современный еврей в психологическом отношении”» (см. подробнее: [7]).

Дружба с М.А. Волошиным сохранялась на протяжении всей его жизни, и человек «пустынного затвора» стал в какой-то мере ориентиром для А.М. Пешковского, самым близким собеседником, человеком, посвященным во все тайны...

В те годы М.А. Волошин и А.М. Пешковский квартировали в Феодосии у Петровых. Александра Михайловна, преподаватель женской гимназии, хозяйка дома, очень тонкая и понимающая искусство, живая и непосредственная, стала объектом их обожания, а позднее – просто советчиком и другом «на перепутьях духовных исканий» (сохранились много писем к ней). По воспоминаниям М.А. Волошина, она «любила очень музыку и играла Бетховена. Отсюда их бесконечные разговоры с Пешковским. Он часто по утрам ей играл в соседней комнате – в гостиной, чтобы разбудить ее звуками Бетховена. Иногда они играли в 4 руки» [2, с. 373].

Уже по тем немногим осколкам ранней биографии А.М. Пешковского можно понять, что перед нами

Группа в ателье. Слева направо: А.М. Пешковский, В.Л. Гауфлер, М.А. Волошин, А.М. Петрова.
Феодосия, 1897 г.

(Из собрания Дома-музея М.А. Волошина в Коктебеле)

неординарная творческая личность. Вот что сообщал в письме А.М. Петровой из Ялты 10 июня 1896 г. М.А. Волошин: «Мы довольно много тут гуляем. В остальное же время Саша расстраивает нервные системы обитателей дачи своими музыкальными упражнениями. Родные его удивляются, почему это тот флигель, в котором они живут, последнее время пустует. Есть чему удивляться! Говорят даже, что количество нервных больных в Ялте увеличилось. Ужасно странно! Затем он очень усердно занимается ботаникой, а неделю тому назад с тем же усердием занимался поисками учебника ботаники. Для этого даже сидел в засаде в саду три дня и подстерегал одну даму, которую он сильно подозревал в обладании такого учебника. И, наконец, третье его занятие это немецкий язык. Теперь он получил Гейне и зачитывается» [3, с. 31].

О молодом А.М. Пешковском в своих мемуарах М.А. Волошин повествовал очень мягко, по-дружески, с легкой иронией подмечал черты неподражаемой личности и уже формирующиеся грани характера. В дневнике, датированном 25 марта 1932 г., он так описал своего друга-гимназиста: «Пешковский уже тогда отличался феноменальной рассеянностью.

Помню, как он, подходя к самовару, наливал себе чай – что было обычаем у Петровых – себе перекладывал в чашку весь сахар из стакана Алекс<андры> Мих<айловны> и наливал себе, а мы все, умолкнувши, внимательно и изумленно следили за его действиями.

Он, когда открывал случай собственной рассеянности, всегда изумлялся в три приема: “А! АА! ААА!!!”

В то же время, как ученик, он поражал преподавателей редкой добросовестностью и исполнительно-

стью и основательным и образцовым проникновением в глубь предмета.

Особенно это сказывалось в русских сочинениях, которые всегда поражали своею основательностью, мерой и тщательностью» [2, с. 374–375].

А вот тоже показательное наблюдение молодой дамы, которая испытывала в те годы романтические чувства к А.М. Пешковскому (в пересказе М.А. Волошина): «Он казался ей необыкновенным персонажем из Теодора Гофмана – поэта, которого она обожала. П<ешковский> ей представлялся не имеющим никаких человеческих привычек, и, когда он однажды у них обедал, она была потрясена: он *ест*!» [2, с. 375].

В один из майских дней 1897 г. М.А. Волошин и А.М. Пешковский были у знаменитого художника-мариниста И. К. Айвазовского.

Гимназию в Феодосии он окончил с золотой медалью и в 1897 г. поступил в Императорский Московский университет на естественное отделение физико-математического факультета. Одновременно с ним был зачислен и М.А. Волошин, но на юридический факультет. Друзья снова оказались вместе. А.М. Пешковский продолжал изумлять своего однокашника удивительными «выходками»: «Тоска моя, – делился в письме А.М. Петровой 11 сентября 1897 г. М.А. Волошин, – продолжалась до приезда Саши, а дальше не выдержал. Да еще бы! Приехал он и отправился, первым делом, представляться; и вместо того, чтобы войти в дверь к инспектору, вошел в книжный шкаф, выскочил и попал в другой шкаф и тогда уж, наконец, вошел в надлежашую дверь. Водил я его по Москве. Мука! Перед каждым переулком он останавливается и

удостоверяется по плану, существует ли действительно такой переулок. А план свой он разрезал на мелкие кусочки «для удобства». Можете же себе представить, что бывает, когда он посреди улицы ищет данного кусочка, а ветер разносит остальные. На уличных мальчишек это производит неотразимое впечатление. Подходим к Новым Рядам. “Макс”! погоди: я сосчитаю, сколько шагов в длину”. – Саша! Да зачем? Ну, я не буду тебя ждать. – “Ну хорошо – я сам потом сюда приду и сосчитаю”. В Историческом музее опять анекдот: мы разошлись. Саша ищет меня по залам и, наконец, подходит к большой каменной бабе, привезенной из Херсонской губернии, с вопросом: “Макс, а где же тут фрески Семирадского?” Ну, да всего и не расскажешь» [3, с. 69–70].

А.М. Пешковский. Фото конца 1890-х гг.

О поразительной рассеянности А.М. Пешковского М.А. Волошин не раз замечал. Из письма матери Е.О. Кириенко-Волошиной от 28 октября 1897 г.: «Гостил тут у него в Москве брат. Однажды этот последний знакомит его с каким-то своим знакомым, – Саша очень вежливо снимает фуражку, раскланивается, рекомендует и подает руку своему брату. Бывают такие случаи, что он приходит на квартиру к знакомому студенту и, будучи уверен, что он пришел к себе домой, ищет своего пейсне (так в тексте. – О. Н.) в его тужурке, висящей на стене. Бывает, что встречается он с кем-нибудь из студентов, бывших феоодсийцев, с которым он был хорошо знаком, долго разговаривает с ним, а потом спрашивает меня: “С кем это я говорил?”» [3, с. 83].

Из письма М.А. Волошина А.М. Петровой 2 ноября 1897 г.: «Как-то раз пришел Саша к Биркенгофу (он живет тут же рядом с нами) и, будучи в полной уверенности, что пришел к себе домой, искал все своего носового платка в его тужурке. Да, вот! читали вы в “Русских Ведомостях” фельетон Джерома “Рассеянный человек”? – Это портрет Саши до мельчайших подробностей. Просто поразительно. И не только сам Саша похож, но и окружающие его тоже замечательно похожи...» [3, с. 92].

М.А. Волошин и А.М. Пешковский. Феодосия, 1897 г.

В те годы в среде студентов и молодых интеллигентов была такая мода – заполнять «Тургеневскую анкету», в которой содержались откровенные вопросы о жизни, любви, качествах человека, его духовном состоянии. Записал свои ответы 20 апреля 1898 г. и М.А. Волошин. На один из них: *Если бы вы не были вы, чем бы желали вы быть?* – он ответил: *Пешковским* [2, с. 281].

Из письма М.А. Волошина А.М. Петровой 14–15 октября 1898 г.: «А я заходил-таки в химическую, но Саши не нашел, рабочие стену починяют. Неужели... Встречаю его потом на дворе. Бежит. “Саша! постой. Где ты живешь теперь?” – “А? Где живу? Ах да! В Палашевском переулке, дом... дом Тихомирова. Только вот квартиры не помню, там мастерская какая-то модная... И понимаешь, какая странность: я эту комнату вечером нанимал, так что темно было... ну и переехал тоже вечером. А вчера просыпаюсь – темно. Рано еще, очевидно. Смотрю на часы... Нет! Уже пора в университет. Иду – на улице светло. И ты знаешь: оказывается, что у меня комната совсем темная и окно в коридор выходит...” – “!!!!!!?” – “Ну что же, разве это рассеянность? Ведь я же вечером смотрел, ну и думал, что окно на улицу”. – “Ну а мебель какая у тебя? Сколько стульев?” – “Стульев? Не-е-е помню. Когда я нанимал, кажется, ни одного не было. Ну да это, поставят, вероятно. Только тоже вот странно: умывальника нет”... И это вот всегда у него с квартирами» [3, с. 200–201].

А.М. Пешковский со всей горячностью, которая поразительным образом соединялась с его рассеянностью, принимается за учебу, «накачивается премудростью». М.А. Волошин писал А.М. Петровой 2 ноября 1897 г.: «Книги он пожирает, глотает, давится, и я несколько не удивлюсь, если он когда-нибудь действительно подавится костью, и костью человеческой. У него их целая коллекция всегда на столе. Вдруг вместо хлеба кость возьмет. У него все перемешано. Настоящий кабинет Фауста – его комната. Он даже до того дошел, что недавно с самим Тимирязевым в научный спор вступил!» [3, с. 91–92].

А.М. Пешковский проучился в университете полтора года, когда в марте 1899 г. стала распространяться забастовка студентов, а занятия были прекращены. «Наконец совершилось... Московский университет закрыт, и все исключены. Я подавать прошения не буду, считая это со своей стороны подлостью» [3, с. 224], – писал М.А. Волошин матери 21 марта 1899 г. По примеру А.М. Пешковского он решил поступать в один из заграничных университетов. Но пока они снова оказались в родном Крыму, много беседовали, произошедшие события их сильно взволновали, можно сказать, перевернули всю жизнь. «Что же теперь будет? – Писал из Феодосии своему двоюродному брату Я.А. Глову М.А. Волошин 22 марта 1899 г. – Я согласен с Сашей, что вторых беспорядков не следовало начинать, но теперь, когда уже они начались и дали результаты, их ни в каком случае прекращать не следует, и если б я только был в Москве, то я агитировал бы за забастовку и против экзаменов – это единственный логичный исход из настоящего положения [...] Господи! и как это глупо вылететь в самом начале, сыграть роль пушечного мяса, первой жертвы и т. д. и потом не быть в состоянии действовать, когда хочется и когда надо сил. Ужасно глупо!» [3, с. 230].

О трагизме ситуации М.А. Волошин сообщал из Феодосии гимназическому приятелю В.Л. Гауфлеру 31 марта 1899 г.: «Я был в самом начале арестован и выслан на год в Феодосию. Теперь же я исключен без права поступления и выезд из Феодосии мне разрешен. Саша (только чудом) уцелел и сам уехал из Москвы, бросив совсем Московский университет», что бы ехать в Берлин» [3, с. 240].

Итак, Германия встретила М.А. Волошина и А.М. Пешковского благосклонно. Их первые впечатления радостные и полны оптимизма: «Жизнь тут дешева необыкновенно и замечательно удобна» [3, с. 288] (из берлинского письма М.А. Волошина А.М. Петровой 22 ноября / 4 декабря 1899 г.). Но и здесь Александр Матвеевич нередко попадал в казусные ситуации: «Пешковского мы застали огорченным. Он нам сказал, что он только что решился обратиться к одному господину на улице с вопросом “какое сегодня число?”. Тот же ему ответил, что это он обязан сам знать, а после прочел ему очень длинную нотацию, из которой он почти ничего не понял. Саша был совсем в недоумении. Гауфлер же ему сказал, что это так и должно быть, потому что в Берлине всякий знает, которое сегодня число» [3, с. 288].

Затем понемногу чувствуется охлаждение к увиденному, и тот восторженный пыл свободы, которой так не хватало в России, заменяется новыми впечатлениями: «О эти немцы! Они блещут все семейными положительными добродетелями, т. е. не блещут – это слишком энергичное слово для них, они мерцают внутренним, мягким, влажным, лунным сиянием, но, Боже мой! как они скучны. Мне кажется теперь, что я даже в русском провинциальном обществе не встречал такой отчаянной косности, узкости, таких невылазных болот предрассудков и таких крепких перегородок в мозгу. Гейне они ненавидят [...] А немецкие девицы!! Пешковский, приехавши в Берлин, поселился сперва в семействе, где было 10 девиц дочерей различного калибра.

Как-то он пришел ко мне и сказал: “Макс, пожалуйста, посмотри на них и скажи, что они – натуральны или нет? Я все смотрю на них и никак не могу решить этого”. Вот я и познакомился. Девицы оказались необыкновенно разговорчивые и моментально засыпали меня вопросами, от которых я совсем ошалел: “Правда ли, что в России ужасно много князей? Правда ли, что русские князья очень любят немецких “медьхен”? Нам наша подруга говорила, что они всегда влюбляются в приезжих барышень”. Хотя я и чувствовал, что мне нужно было ответить, что если б я был русским князем и увидел бы вас в России... Но я позорно воспользовался незнанием немецкого языка. “Правда ли, что русские женщины огненнее (feuerlicher), чем немецкие?” Тут уж мне пришлось прямо заявить, что я в этих вопросах совсем некомпетентен, а Саша начал что-то им объяснять по-немецки [...] Ах! не могу еще тоже не прибавить о нем следующей пикантной подробности – когда он искал себе квартиру, то некоторые хозяйки спрашивали его, “не китаец ли он?”. В настоящее время он занят тщетными попытками приучиться думать по-немецки» [3, с. 306–308] (из письма М.А. Волошина А.М. Петровой 9 января 1900 г.).

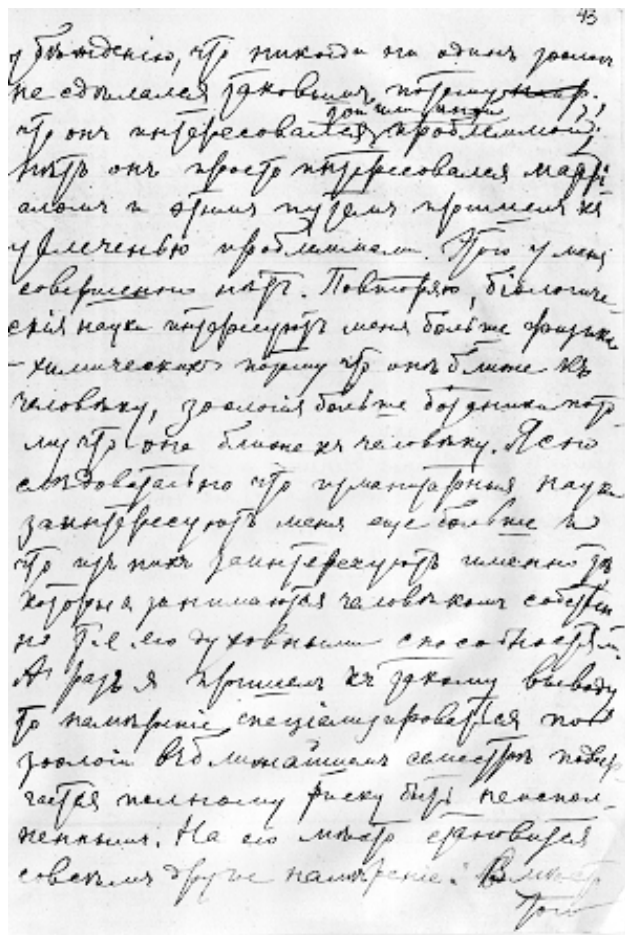
Но все же даже такая атмосфера им кажется более комфортной, чем в России: «Как ни скверно в Берлине, но возвращаться отсюда в Россию мне так же не хочется, как если б мне предложили снова поступить в гимназию [...] Теперь за границей мне иногда начинает казаться, что вся Россия одна сплошная классическая гимназия. Не понимаю, почему придумали такую страшную меру, – отдавать студентов в солдаты за участие в беспорядках: это не предотвратит их. Вот если бы решили студентов отдавать в гимназисты, то я ручаюсь, что больше бы беспорядков не было [...] Но ужасно не хочется возвращаться снова на юридический факультет; меня все теперь тоже привлекает мысль перейти на историко-филологический, потому что в сущности, как это мне выяснилось во время путешествия особенно ясно, меня история и история искусства интересуют больше всего, а мои юридические науки ни капельки» [3, с. 308–309].

Однако европейская обстановка со временем начинает угнетать и А.М. Пешковского, пытавшегося приспособиться к культурной Европе с ее особым менталитетом. М.А. Волошин замечал в письме из Москвы А.М. Петровой 7 апреля 1900 г.: «От Пешковского я все не имел никаких известий и только на днях получил громадное послание, в котором он жалуется на тоску и ругает немцев. Я ужасно рад, что даже и его в Берлине пробрало. Он раскаивается в своей прежней “изоляции”, жалеет, что так мало со мной тогда виделся, и жаждет русских разговоров и русских знакомств, и русских писем. Даже и он нашел, что все время заниматься невозможно, а нужно с кем-нибудь и поговорить, только просит не считать это за слабыхарактерность с его стороны [...]» [3, с. 344].

Думается, все же настоящей причиной скорого отъезда А.М. Пешковского из Берлина стала перемена в его взглядах на жизнь, на свое профессиональное призвание. Какая-то неведомая сила тянула его в сторону от всех этих естественно-научных опытов в лоно

живого общения, в иную культурную среду, где была бы возможность подлинного творчества и духовного развития, – в филологию! Уже в ранние годы он, увлеченный ботаникой и зоологией, находился в ином эстетическом окружении, во многом сформировавшем его как творческую личность.

Случаен ли такой поворот в его биографии? Думается, что нет.

Фрагмент письма А.М. Пешковского М.А. Волошину
конца 1890-х г. Автограф.
(ОР ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. Ед. хр. № 963. Л. 43)

Именно М.А. Волошину Александр Матвеевич доверял свои сокровенные тайны души, разрываемой внутренними противоречиями: как жить, по какому идти пути... В этих размышлениях, впервые публикуемых далее, перед нами иной Пешковский: его человеческий облик, скрытый за пеленой «методиста», находит выражение в философских размышлениях о жизни и бытии, о том правдоискательстве, к которому стремились все лучшие умы России – и в малом, таком, как личная судьба, и в большом – как общественное служение Родине.

«Я начинаю укреплиться во мнении, – писал он М.А. Волошину, – что и я-то сам лишь понимаю естественные науки, но не люблю их. Что я их понимаю, что мне нетрудно было усвоить основные факты и сделать их сферу немножко своею, что я увлекаюсь конечными выводами и загадками – это тебе известно. Но возьмем другую сторону медали. В детстве до поступления в гимназию я любил только литературу. Из

классиков я читал тогда только Пушкина и Лермонтова – остальные все из детской литературы. <...> В гимназии в 1-м классе я очень любил латинский язык, т. е. мне нравилась грамматика и процесс перевода (это, слава Богу, исчезло конечно). География тоже нравилась, но нужно прибавить, что учитель был совершенно исключительный по талантливости и оригинальности (за это его скоро удалили). ...что поступая собственно влечению характера, а не разума, я должен бы был собственно поступить на историко-филологический факультет. Поясню еще тебе свою мысль. В том, напр., что я увлекался поэзией, не было никакого противоречия с естествознанием, но в том, что я увлекался больше, чем эстетически, было противоречие. В сущности чтобы быть естественником, нужно быть человеком холодным или по крайней мере иметь особую камеру холода в мозгу. Естествознание имеет очень много общего с “чистым” искусством – отдаленность от ближнего (я говорю о теоретическом естествознании – прикладное же уж совсем не по мне, так как я все-таки теоретик). Ну-с затем университет, усердные занятия науками – и никакого влечения к какой-либо из них. Наконец я остановился на зоологии – но почему? Я должен сознаться, что в сущности это потому, что зоология ближе всего к человеку (здесь и далее выделено нами. – О. Н.). Присматриваясь к знакомым зоологам, я убеждаюсь, что у меня в сущности нет “зоологического пункта” в мозгу, если можно так выразиться. Под этим я разумею интерес к животным формам, интерес чисто органический, беспричинный, который единственно и побуждает человека идти (так у автора. – О. Н.) по этому пути. Я прихожу к такому убеждению, что никогда ни один зоолог не сделался таковым потому, что он интересовался той или иной проблемой; нет, он просто интересовался материалом и этим путем пришел к увлечению проблемами. Этого у меня совершенно нет. Повторяю, биологические науки интересуют меня больше физико-химических, потому что они ближе к человеку, зоология больше ботаники, потому что она ближе к человеку. Ясно, следовательно, что гуманитарные науки интересуют меня еще больше и что из них интересуют именно те, которые занимаются человеком собственно, т. е. его духовными способностями. А раз я пришел к такому выводу, то намерение специализироваться по зоологии в ближайшем семестре подвергается полному риску быть неисполненным. На его место становится совсем другое намерение. Вместо того чтобы заниматься всю зиму первую половину дня зоологией, а вторую анатомией, как я думал, – слушать из естественных наук только одну физиологию растений и животных, которая одна осталась для меня совершенно неизвестной из естественно-исторического курса – а остальное время слушать гуманитарные науки из самых различных областей, т. е. другими словами продолжать общее образование на почве естественно-исторической. Произошел этот переворот как раз в то время, когда я уже почти что успокоился на мысли о специализации и потому, можешь себе представить, какой сумбур у меня в голове. Конечно, совета я от тебя не ожидаю, потому что в таких делах, где должно решить собственное влечение – советы невозможны. Но ты мне

все-таки кое-что напишешь и все, что ты напишешь по этому поводу, я прочту с жадностью. Говорить мне об этом кроме тебя абсолютно не с кем» (ОР ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. Ед. хр. № 963. Лл. 42 об. – 43 об. Автограф без даты; есть основания полагать, что это письмо относится к концу 1890-х гг.).

Это смятение в душе молодого А.М. Пешковского, его переход от занятий естественной наукой в иную сферу, раскрывающую духовные способности человека, и стали тем отправным пунктом в судьбе будущего ученого, который на долгие годы определил его филологическое сознание. Поступи он по-другому – и мы не знали бы того Пешковского, какой теперь известен еще со студенческой скамьи. Это, быть может, самое философское сочинение показывает, где лежали его истинные интересы и что он считал для себя самым важным в профессиональной деятельности. Исповедь задушевному другу дает понять, насколько непростым был выбор и через какие душевные переживания он прошел. Главное для А.М. Пешковского – найти гармонию с самим собой, разобраться в причинах столь стремительных перемен, обосновать, наконец, такой неожиданный поворот от увлечения зоологией и математикой к филологии. Высказанные им мысли во многом приоткрывают завесу его творческой натуры, показывают ее психофизические свойства, неординарность характера – все то, что получило впоследствии выражение в трудах и педагогической деятельности ученого.

Но тернистый путь в науку пролегал у него особым образом, своими тропами он шел по жизни, постоянно удивляя знакомых невероятными приключениями и вечной рассеянностью. Еще до приезда в Москву А.М. Пешковский уговаривал М.А. Волошина съездить с ним... в Норвегию, но отправился он туда один. Вот еще одна замечательная «миниатюра», пересказанная М.А. Волошиным в письме А.М. Петровой из Ташкента 11 декабря 1900 г.:

«...У нас в номерах происходила следующая сцена. “Барыня, – говорил маме швейцар недоумевающим тоном, – там вас какой-то мужчина спрашивает”. – “Какой мужчина?!” – “Маленький, черный, с сумкой и ящиком”. – “С сумкой и ящиком?!... Чего ж ему надо?” – “Я спрашивал-с, он говорит – это, собственно, не ваше дело...” – “Ну, зовите его... Ах!!! Александр Матвеевич! Вот не ожидали, как я рада (и т. д.). Вы откуда?” – “С вокзала... то есть, нет – из Петербурга... ах! то есть, нет... я, собственно говоря, из Норвегии”. – “!???... Из Норвегии!?? А что вы там делали?” – “Пешком ходил...” – “А с кем?” – “Да я, собственно говоря... а-адин...” – “Один?! А где же ваши вещи?” – “Да вот – ранец и фотография”. – “И больше ничего? Точно Макс!” – “Ах да, кстати, а где же Макс?” – “Он (и т. д.)...” – “Правда! Что выговорите????!!!”» [3, с. 456].

М.А. Волошин же уехал в путешествие по Средней Азии, но не терял связи со своим гимназическим другом и на обратном пути хотел остановиться у него в Берлине. Уже тогда М.А. Волошин говорил о своеобразности А.М. Пешковского, его многогранном таланте, где собственно лингвистическая часть – есть лишь малая толика удивительной личности будущего знаменитого филолога. Свой душевный порыв М.А. Волошин передал в письме А.М. Петровой из Ташкента 12 февраля 1901 г.: «А этот берлинский период Сашиной жизни все-таки не останется вполне темным: я у него уж выведаю про его подвиги. Вот вам труд, кстати: **начните жизнеописание Пешковского в юности. Тема очень благодарная и, кроме того, впоследствии такой труд может и действительно оказаться неоцененным документом** (выделено нами. – О. Н.)» [3, с. 504].

Итак, эти штрихи к биографии юного А.М. Пешковского дополняют его классический, почти статичный портрет действительно новыми личностными характеристиками, а главное – рисуют нам *живого* человека, искреннего в своих порывах и мыслях, сомнениях и скитаниях, ищущего, открытого, благородного.

Источники

ОР ИРЛИ – Отдел рукописей Института русской литературы (Пушкинский Дом).

Литература

1. Апресян, Ю.Д. «Русский синтаксис в научном освещении» в контексте современной лингвистики / Ю.Д. Апресян // Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. – 8-е изд., доп. – Москва, 2001. – С. III–XXXVIII.
2. Волошин, М.А. Собрание сочинений / М.А. Волошин. – Москва, 2008. – Т. 7, кн. 2. Дневники 1891–1932. Автобиографии. Анкеты. Воспоминания.
3. Волошин, М.А. Собрание сочинений / М.А. Волошин. – Москва, 2009. – Т. 8. Письма 1893–1902.
4. Клобуков, Е.В. «Русский синтаксис в научном освещении» А.М. Пешковского (о непреходящей актуальности грамматической классики) / Е.В. Клобуков // Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. – Изд. 8-е. – Москва, 2001. – С. 3–18.
5. Никитин, О.В. Александр Матвеевич Пешковский / О.В. Никитин // Московский журнал. История государства Российского. – 2006. – № 1. – С. 20–28.
6. Никитин, О.В. Жизнь и труды Александра Матвеевича Пешковского в свете научной полемики его времени / О.В. Никитин // Пешковский А.М. Лингвистика. Поэтика. Стилистика: избранные труды: учебное пособие / сост. и науч. редактор О.В. Никитин. – Москва, 2007. – С. 14–58. (Лингвистика XX в.)
7. Пинаев, С.М. Максимилиан Волошин, или Себя забывший бог / С.М. Пинаев. – Москва, 2005. (Жизнь замечательных людей). Здесь цитируется по: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.e-reading.mobi/bookeader.php/1013943/Pinaev_-_Maksimilian_Voloshin_ili_sebya_zabyvshiy_bog.html

**«PESHKOVSKY'S BIOGRAPHY IN HIS YOUTH. THE THEME IS VERY REWARDING...»
(THE EXPERIENCE OF RECONSTRUCTION OF THE PORTRAIT OF THE FAMOUS SCIENTIST)**

The article, based on new data and archival materials, reveals the biography of the first decades of the life and work of the famous Russian linguist and methodologist A.M. Peshkovsky (1878–1933), when an aspiring scientist engaged in the search for his spiritual path and professional purpose, passed the personal test during controversial circumstances in the life of Russia in the late 1890s. From the memories and recordings of his gymnasium friend M.A. Voloshin, A.M. Peshkovsky's childhood is described, and the author recreates the atmosphere that prevailed at the time, his hobbies, personality and psychology of his evolving unique identity, which were unusual already in his younger years. The circumstances related to the dismissal of A.M. Peshkovsky from the Imperial Moscow University are also presented, as well as his future fate. In this article, the biography of A. M. Peshkovsky is brought to the moment of his return from abroad, where he was forced to leave after participating in the strike of students in Moscow. This part of his biography has recently remained unknown to the readership and was re-established on the facts, letters, memoirs and rare documentary evidence of A.M. Peshkovsky's contemporaries.

History of science, language personality, biography, psychologism, culture and education in pre-revolutionary Russia.